

Отзыв

на диссертацию Виктора Васильевича Шаповала
«Теория и практика верификации словарных данных на основе источников»,
представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальностям 10 02 01 — русский язык и 10 02.19 — теория языка

Предметом диссертационного исследования В. В. Шаповала служит феномен сомнительного лексикографического описания слова, но в теоретическом разделе диссертации автор детально рассматривает категорию ошибки лексикографического описания в гносеологическом, генеалогическом, типологическом, структурном и педагогическом аспектах. Тем самым рецензируемая работа становится важным вкладом в теоретическую лексикографию, что оправдывает соискание степени по двум специальностям.

В качестве объекта исследования диссидентант выбрал репрезентативный круг описаний слабо документированной лексики в диалектных и жаргонных словарях русского языка. Но следует сказать, что рассмотренные в диссертации типы ошибок свойственны и толковым словарям русского литературного языка, как давно изданным, так и выходящим в наши дни; на чем ниже я кратко остановлюсь. Актуальность диссертации очевидна. Я пятый год преподаю в МГУ курс «Русская толковая лексикография» и включил сейчас автореферат диссертации В. В. Шаповала в список обязательной литературы; могу лишь сожалеть, что студенты прошлых лет не имели возможности ознакомиться с этой замечательной работой.

Рассматриваемая диссертация подводит итог многолетним скрупулезным разысканиям автора в области ошибок лексикографов. Десятки работ, представленные в списке публикаций диссидентанта, содержат частные очерки, посвященные сотням выявленных лексикографических ошибок. Стоит отметить, что В. В. Шаповал не включил в «официальный» список своих трудов многочисленные электронные публикации, представленные на сайте philology.ru, где они именуются маргиналиями¹. Между тем написанные в популярной форме «Словари жаргона как слепок эпохи», «Словарные фантомы» и другие его очерки с этого сайта способствуют распространению лексикографической грамотности нисколько не меньше, чем публикации на бумажных носителях.

Несмотря на впечатляющий объем диссертации, не все частные разыскания В. В. Шаповала нашли в ней отражение. С удивлением я не обнаружил в ней одной из наиболее изящных находок, впервые, кажется, обнародованной в работе «Текст источника как объект анализа для историка и филолога» (№ 49 в списке публикаций в автореферате)

Некогда в среде лексикографов системы МВД при перепечатке рукописной (и правильной) словарной статьи *лепила* — ‘врач’ оба слова были прочитаны неверно, получилось *лашила* — ‘враг’, в одном из последующих изданий толкование было обогащено синонимом: ‘враг, недруг’ Позднее в *недруге* была

---

¹ В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона. СПб. Норинт, 2000.

пропущена буква *p* и в результате в сводном «Большом словаре русского жаргона»² (далее — БСЖ) слово закономерно получило два значения — ‘враг’ и ‘болезнь, недуг’ со ссылками на шесть и два словаря соответственно.

Не вижу смысла пересказывать структуру и содержание диссертации: полемизировать мне с диссидентом не о чем, текст вполне ясен и вопросов не вызывает. Мелкие соображения — подчеркну соображения, а не замечания — столь мало существенны, что не стоят упоминания в отзыве³

«Положение о присуждении ученых степеней», утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г № 842 ставит перед оппонентом задачу оценить «актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизну» (п. 23 Положения)

Актуальность темы обусловлена в первую очередь бедственным положением в отечественной лексикографии; такую оценку я попытаюсь ниже аргументировать. Обоснования научных положений и выводов диссидентата в явном виде содержатся в объемистых приложениях.

Главной рекомендацией диссидентата мне представляется необходимость серьезной текстологической и источниковедческой подготовки молодых лексикографических кадров. Не согласиться с этим никак нельзя. Хорошо бы и действующим лексикографам приостановить свою деятельность до прохождения соответствующей переподготовки, включая экзамен на близкое к тексту знание содержания рецензируемой диссертации — но это утопия.

Достоверность содержания диссертации сомнению не подлежит: всякий упомянутый факт сопровождается библиографической ссылкой, всякое утверждение должным образом аргументируется. Новизна столь же очевидна: работ такого масштаба в области конструктивной критики словарей до сих пор не было, не только в отечественной лингвистике, но — на сколько я могу судить — и в мире.

Отмечу особо одну грань актуальности и практической пользы рецензируемого диссидентационного исследования, о которой, возможно, не подозревает и сам автор. С 2012 г я интенсивно вовлечен в разработку Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ), общий объем которого приближается к 20 миллиардам словоупотреблений. Естественно, что при таком объеме корпус формируется и индексируется автоматически. Он состоит из стилистически относительно однородных сегментов, представляющих собой большие выборки из Живого журнала (2001 — начало 2014 г), из социальной

---

2 Приведу одно для примера. *Вэр* ‘лес’ (стр. 664 диссертации) вполне может оказаться заимствованием из коми *вöр*, то же.

3 Все примеры из «Толкового словаря уголовных жаргонов» под общей редакцией Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова, М. Интер-ОМНИС—РОМОС, 1991 (оба редактора — кандидаты юридических наук, доценты).

сети ВКонтакте (выборка за 2014—2015 гг.), из новостных лент за 1999—2013 гг и Журнального зала (собственно журнальные статьи с портала magazines.russ.ru по состоянию на апрель 2014 г.)

Проблемы опечаток и «осканирок», с которыми мы сталкиваемся, как раз те, которым много внимания уделено в диссертации В. В. Шаповала. У нас, правда, есть и такие проблемы, которые в контексте рассматриваемой диссертации нерелевантны — путаница дефиса и двух видов тире, несистематическая мена латинских и русских букв сходного начертания, но в основном задачи работы с грязными оцифрованными текстами сходны с теми, которые решаются в рассматриваемой диссертации. Могу утверждать, что столь серьезной разработки этой проблематики пока не было. Исследование диссертанта, в частности, содержание приложений соответствующей тематики (стр. 531—585) может принести большую пользу в различных областях прикладной лингвистики.

В этой связи хочу отметить, что у «опечаток» типа метатез или вставки / замены гласной буквы причины могут быть более серьезными: пишущий нередко искренне считает, что пишет правильно. В В. Шаповал прекрасно знаком с частными фонетическими написаниями, изобилующими в лексикографически непрофессиональных жаргонных словарях, но явление это гораздо шире. Один показательный пример: в спонтанных текстах сегмента ЖЖ ГИКРЯ есть 14582 вхождений слова *скрупулезный* в разном написании. В 3391 случаях (23%) имеет место метатеза *скурпулезный*, а метатеза *скруплюезный* вообще не представлена. В подготовленных текстах Журнального зала доля таких ошибок (0,4%) также явно выше ожидаемого для простых опечаток. Разумеется, для решения лингвистических задач, опечатки любого рода должны быть нейтрализованы в ходе поиска. Задача не простая, и наработки диссертанта явно полезны при ее решении.

Поскольку не все члены Ученого совета близко знакомы с проблематикой лексикографической фиксации жаргонной лексики, позволю себе кратко описать плачевную ситуацию в этой области. Нет смысла критиковать издания, вышедшие из под пера работников МВД, не понимавших, что слова упорядочиваются не только по первой букве алфавита, имевших экзотические представления о принципах орфографии, не говоря уже о лексикографии, и не умевших отделять уголовный жаргон от иных сниженных форм речи. В результате часты дублеты типа *бадяжить* ‘варить пищу’ и *бодяжить* ‘готовить пищу’, *базила* ‘сливочное масло’, *базило* ‘техническое масло’ *цынк!* ‘опасно!’ и *цинковать* ‘своевременно подавать сигнал об опасности’, *комок и камог* ‘комиссионный магазин’⁴

Немного позднее к созданию словарей жаргона подключились доктора филологических наук, но ситуация изменилась мало. В БСЖ читаем: **Абшабиться** Угол., нарк. ‘обкуриться гашишем’, **Обшабашиться**. Нарк. Шутл. ‘накуриться гашиша’, **Обшабиться**. Нарк. То же, что обшабашиться; **Шабить**. Нарк. Курить сигареты с наркотическим веществом. **Ашманать**. Угол. ‘обокрасть,

4 Быков В. Русская феня. Смоленск, ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994.

обворовать кого-л.' и **Ошманать, ошмонать**. Угол., мил., жсрр 1 Ощупать, обыскать кого-л. 2. Обобрать, обокрасть кого-л. Есть в этом словаре и явные подтасовки: **занюхать** 'понюхать наркотическое вещество', с пометой нарк. и примером *Дай чего-нибудь занюхать*, авторы ссылаются на словарь Быкова⁵, но у него *занюхать* толкуется как просто 'понюхать', а пример чуть длиннее *Дай чего-нибудь занюхать, не пошло чего-то.*, контекст примера очевидный, к наркоте отношения не имеет, сам глагол с толкованием 'заглушать дурной запах, нюхая что-либо' встречается еще у В.И. Даля. Слово это общерусское, а отнюдь не уголовное и не наркотическое, в НКРЯ оно встречается в этом значении с XVIII века.

В «Словаре тысячелетнего русского арго» М.А. Грачева (М. Рипол Классик, 2003) —*мáза, -ы* (в разных значениях) и *держать мазу* (в сходных разных значениях), *бобóчка* 'рубашка' и 'курточка' со ссылкой на словарь Ж.Росси⁶ (при том, что у Rossi ударение на первом слоге), *задать латáты* 'убежать' (ср. в МАСе *задать лататы* с пометой *прост*) и ряд почти синонимов — *гадючник* 'заведение общепита', *рыгаловка*, отсылающая к *рыгайловке* 'заведение общепита' 'пивная', *тошинловка* 'заведение общественного питания, где собирается сомнительная публика для распития спиртных напитков'

Маза и *бобочка* перестали быть сугубо уголовными словами (что профессионал должен был отметить), происхождение фразеологизма *задать лататы* выяснить непросто, но оно встречается уже в переписке братьев Александра и Антона Чеховых, а «едально-распивочный» ряд к уголовному жаргону не имеет отношения. В существовании *рыгайловки* я сомневаюсь. в почти 20-миллиардном корпусе ГИКРЯ вхождений нет, хотя даже пресловутое *лашила* нашлось — во ВКонтакте, в бродячем по интернету уголовном словарике. Фантомов Грачев не избегает то же *лашила* в значении 'враг' в его словарь попало, даже с примером, но курьезным. *Давила теперь тебе враг на веки вечные*

В БСЖ есть слово *бéбéхи* — 'краденые носильные вещи' с пометой *уголовное*, у Грачева *бéбexи* имеет два значения: 'принадлежности' и 'одежда' К 'принадлежностям' есть пример из Артема Веселого — *Подхватили мы свои бебехи и с радостью давай отступать*, говорит красноармеец, об уголовном прошлом которого ничего не известно

Вообще-то слово *бебехи* в этом значении достаточно хорошо представлено в русской литературе. В XIX веке — у Лескова и Короленко, позднее — в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова, у Трифонова в «Нетерпении», у братьев Вайнеров в «Визите к Минотавру» и в «Часах для мистера Келли» Разбойничий аллюзии из этого списка могут вызвать, разве что, Вайнеры.

Распространенность лексических единиц в современном узусе я привык проверять в ГИКРЯ, в сегменте «Журнальный зал» в этом значении оно представлено в текстах 27 авторов, среди которых есть вполне почтенные —

5 Rossi Ж. Справочник по ГУЛАГу, изд. 2, дополн., ч. 1—2, Москва. Просвет, 1991—1992.

6 У Г. Щербаковой в повести «Love-стория» (Новый мир, 1995, 11) сразу и *бебехи*, и *бебихи*.

Дмитрий Бобышев, Сергей Гандлевский, Анатолий Найман, Дина Рубина, Галина Щербакова и так далее. Уголовных контекстов нет Семь авторов (10 текстов) так или иначе связаны с Украиной. Слово явно украинское по происхождению, в «Украинско-русском словаре» под общей редакцией Вячеслава Бусела (Кiev. «Перун», 2008) *бéбехи* в этом значении переводится как ‘манатки, пожитки’

Поскольку в орфографических словарях этого слова еще недавно не было, пять авторов Журнального зала пишут *бебихи*⁷, что свидетельствует о русской фонетике с редукцией второго (безударного!) гласного. Но вот это слово появляется в РОСе в издании 2012 г с ударением на втором слоге (с пометой *сниж*) Откуда ударение? Из словаря Ожегова—Шведовой⁸, а откуда там — неизвестно. Статистически нерепрезентативный опрос москвичей показал, что те немногие, кто знает слово, ставят ударение на первом слоге.

Описывая поставленные в диссертационном исследовании задачи, автор пишет „Характерно, что даже само словосочетание «критика словарей» не встречается в некоторых изданиях и учебных пособиях по лексикографии“ и перечисляет конкретные работы [стр. 23 диссертации] Стоит добавить, что в такого рода изданиях, а также в более распространенных учебниках «Лексикология и лексикография» вообще не принято упоминать словарные ошибки. А в рецензиях на конкретные словари они почти всегда рассматриваются как отдельные частные недочеты. Между тем за такими недочетами нередко стоят системные ошибки в подготовке словарей, которые блестяще вскрыты и детально описаны диссидентом.

Почти все типы ошибок, выявленные В. В. Шаповалом на материале жаргонных и диалектных словарей, встречаются и в общих толковых словарях, хотя и значительно реже. Касается это не только слабо документированных единиц, но всей лексики, находящейся у составителей в пассивном запасе. Пометы в этом случае часто оказываются субъективными и противоречат узусу, толкования могут быть неточными и даже ошибочными. Разумеется, лексикографы используют труды предшественников, но, редактируя «старые» толкования, нередко их ухудшают Все дело в том, что они обычно пренебрегают верификацией включаемых в словарь сведений, полагаясь на интроспекцию или случайно полученные материалы. А иногда даже не задумываются о том, что семантика слова могла претерпеть изменения.

Приведу несколько разнородных примеров из общеизвестных изданий.

Вряд ли составители выходящего сейчас «Большого академического словаря русского языка» не знают, как называется украинская денежная единица или того обстоятельства, что анафора стала общераспространенным лингвистически

---

⁷ **Бебéхи** (прост. пренебр.). Всякие домашние вещи (во 2 знач.). *Перебрались на новую квартиру со всеми бебехами.*

⁸ Вообще говоря, слово *банлон* ‘водолазка’ явно устаревает, вот как на него реагируют в блогах петербуржцы средних лет: *Слово "бонлон" я слышала разве что от папы* (1973 г. р.); *Ссылка на какой-то банлон. Нам банлон не нужен. Мы хотим бадлон!* (1978 г. р.).

термином. Но у *грифны* в т 4 (2006) выделяются лишь три значения, толкования которых начинаются словами «в Древней Руси», «в Русском государстве с XVI в.» и «в старину». В первом томе ССРЛЯ (1950) *анафора* справедливо трактовалась лишь как литературоведческий прием, но с тех пор этот термин стал важным понятием синтаксиса. Создатели нового БАСа не только «забыли» про анафору в языкоznании, но и прозаиков они лишили права на этот стилистический прием, заменив помету *литерат.* (как в ССРЛЯ) на «в стихосложении».

Ориентировка на предшествующее авторитетное издание может привести к творческой переработке содержавшейся в нем ошибки. В БТС к *снохе* ('жена сына') приведено уточнение «раньше — только по отношению к свёкру». Когда «раньше»? Вероятно, при создании словаря под ред. Д.Н. Ушакова, где о снохе сказано «Жена сына по отношению к отцу, свекору (но не к матери, свекрови!)». Экзотическое написание *свекору*, действительно, встречается, но, кажется, лишь в текстах тех, кто этим словом реально не пользуется. Свидетельств запрета на использование термина *сноха* свекровью найти не удастся, хотя отсутствие такого запрета хорошо отражено в русской литературе XVIII–XXI вв., а также, например, в церковнославянском и русском переводах Библии: «И воста она и обѣ снохи ея / И встала она со снохами своими » (Руфь 1 6).

Одна и та же рыба, *Stenodus leucichthys*, в северных реках называется *нельмой*, а в бассейне Каспия — *белорыбицей*. Последалевская лексикография трактует их как разные сущности. Так, в словаре Шведовой (2007) *нельма* — это ‘крупная северная рыба сем. лососевых’, а *белорыбица* — ‘северная промысловая рыба сем. сиговых с серебристой блестящей чешуей’, стоит отметить, что северной рыбой белорыбица является лишь для жителей Ирана.

В МАСе, а сейчас и в новом БАСе (т 16, 2011) есть три слова для обозначения пихтового леса. *пихтовник* (без помет), *пихтарник* (разг.) и *пихтач* (прост.). Поскольку денотат встречается лишь за многие сотни километров от лексикографической столицы, можно предположить, что за распределением помет стоит текстологическая и источниковедческая деятельность или хотя бы консультация в Лесотехнической академии. Когда-то, разбираясь в региональном распределении этих единиц, я усомнился в справедливости помет. По май 2008 в базе СМИ «Интегрум» три упомянутых слова в региональных изданиях встретились в общей сложности в 521 тексте, но петербургских среди них не было. Профессиональный узус выявился в журнале «Лесное хозяйство». В имевшихся на то время 37 номерах журнала за 2002—2008 нашлось 14 текстов с *пихтарником*, 4 с *пихтачом* и один с обоими словами. «Строго нормативного» *пихтовника* не было. Вероятно, приписывая пометы, лексикографы ориентировались на суффикс, а не на узус.

В действительности текстологическая проверка нужна для выявления функционирования единиц и из активного словарного запаса лексикографа. Такой проверки не происходит, в результате в БТС и новом БАСе в качестве немаркированных фигурируют единицы типа *водогрей*, *баллон*⁹, *латка* (посуда), малоизвестные за пределами Петербурга.

Очень часто не везет словам, получившим помету *обл*. Скажем, *паут* во всех словарях толкуется кратко ‘овод’ Там, где есть примеры, видно, что это кровососущее насекомое, но согласно тем же словарям *оводы* кровь не сосут, они вообще не питаются в стадии имаго, то есть когда летают и жужжат; задача *овода* — отложить яйца в губы или в шерсть животного

Наконец, академическая лексикография может порождать и подлинные фантомы. Появление слов *глоссемантика* и *глоссемантический* в БТС, конечно, можно считать опечаткой, но их увековечение в новом БАСе снабдило фантомную лингвистическую (!) дисциплину должным престижем.

Хотелось бы надеяться, что появление обсуждаемой диссертации изменит к лучшему ситуацию в отечественной лексикографии. Но и диссертант, и члены Ученого совета немногое могут сделать в этом отношении: лексикографы не интересуются мнением остальных лингвистов, если и заглядывают в лингвистические издания, то явно редко. Торжество глоссемантики яркое тому подтверждение. Достаточно давно Наталья Александровна Еськова опубликовала заметку «О слове глоссемантика» (РЯНО, 2008, № 1 (15)). Уже после этого на Грамоте.Ру была размещена электронная версия БТС с исправлением ряда вопиющих ошибок. Позднее в словарь вносились изменения и дополнения; сейчас о нем сказано «публикуется в авторской редакции 2014 года», но глоссемантика по-прежнему на месте:

Большой толковый словарь

ГЛОССЕМАНТИКА, -и; ж. Лингвистическая теория, исследующая специфические формы содержания и выражения в языке. <**Глоссемантический, -ая, -ое.**

На будущее отечественной лексикографии я смотрю довольно пессимистично. Но сейчас мы оцениваем не перспективы науки, а конкретную диссертацию

Завершая отзыв, могу констатировать, что

- на основании выполненных В. В. Шаповалом исследований им разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение;
- диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения и свидетельствует о большом личном вкладе В. В. Шапovala в науку;
- в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, В. В. Шаповалом опубликована 21 научная статья, отражающая основные научные результаты его докторской диссертации, а также многочисленные рецензии.

Автореферат диссертации в должной степени отражает ее содержание.

Таким образом, докторская диссертация В. В. Шаповала полностью отвечает критериям, установленным пунктами 9, 10, 11 и 13 «Положения о присуждении ученых степеней», а ее автор заслуживает присвоения искомой ученой степени по специальностям 10.02.01 — русский язык и 10.02.19 — теория языка.

Официальный оппонент,
профессор кафедры теоретической и прикладной
лингвистики филологического факультета Федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Московский
государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
доктор филологических наук

21 септ 2016

Беликов Владимир Иванович

119991 ГСП-1 Москва, Ленинские горы
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов,
Филологический факультет,
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики.
Электронная почта. otipl@philol.msu.ru
Телефон: +7(495) 939-2601

скретарь

Левченко Инна Георгиевна

Подпись руки проф. В. И. Беликова заверяю